

Глава 1

БИТВА ЗА УСТЬЕ ЦАРИЦЫ

От женской тюрьмы ГПУ до берегов Волги за три дня

23 сентября 1942 г.

— Лейтенант Холль прибыл из отпуска по ранению! — Я стоял перед батальонным командиром, доктором Циммерманом.

— Господи, Холль, вас мне сам бог послал!

Я с удивлением взглянул в усталое вытянутое лицо моего майора.

— Должен вам сказать, — продолжал он, — в списке потерь последних дней — все ротные командиры. Ваш преемник, обер-лейтенант Менхерт; лейтенант Янке из пятой роты потерял правую руку в атаке на Сталинград-Южный, рубка была еще та, и пока что 8-ю роту принял обер-фельдфебель Якобс. Теперь у меня есть хотя бы вы и мой адъютант, лейтенант Шюллер.

Этот высокий худой человек — который годился мне в отцы — сидел, согнувшись над котелком, и серьезно смотрел на меня. Пламя свечи отражалось в стеклах очков.

Лейтенант Эдельберт Холль
в 1941 г.

— Мы каждый день ждем пополнений, потому что они отчаянно нужны; наверное, они уже на подходе.

8 июля мы оставили зимние позиции у реки Донец рядом с Нырково, чтобы принять участие в летнем наступлении. Атака на Бастион, где в апреле вас ранило, с самого начала стоила нам больших потерь. Лейтенант Ридель из 5-й роты — убит, его сменил лейтенант Янке; лейтенант Мадер из 6-й роты — убит, его

сменил лейтенант Кремер. Мы прошли через Ворошиловград в общем направлении на юго-восток к Кавказу. Перейдя Дон, мы шли по калмыцкой степи, все так же на юго-восток. Встретили серьезное сопротивление у Катышевой балки. Когда мы его сломили, пришел приказ развернуться флангом влево и идти на северо-восток к Сталинграду. На южной окраине города нам снова пришлось преодолевать сильное сопротивление. Сейчас мы в самом разгаре уличных боев.

Я огляделся внимательнее. Поскольку города я не знал, батальонный связной встретил меня на исходе дня где-то в южных пригородах. Он провел меня в это трехэтажное каменное здание, проводив на КП батальона по настоящему лабиринту подземных ходов. Это был голый подвал без окон, с запахом сырости и плесени. Мне предстояло узнать, что все предыдущие недели помещение использовалось как женская тюрьма.

АГОНИЯ СТАЛИНГРАДА

Штаб II батальона 276-го пехотного полка был расположен
в женской тюрьме ГПУ

— Теперь расскажите, что с вами стало после ранения в Нырково.

— Мне хватит нескольких коротких фраз, герр майор. После того как меня прооперировали в Бад-Швальбахе, чтобы вынуть пулю из правого плеча, я получил отпуск для свадьбы. Мы поженились 20 июня. Потом мой отпуск кончился, и мне пришлось доложить о себе в запасном батальоне в Наумбурге-на-Заале. Там я встретил несколько товарищей из нашей дивизии, включая теперешнего командира, герра гауптмана Шольца, моего бывшего командира роты, обер-лейтенанта Ферстеру, лейтенанта Малеца и лейтенанта Ширбеля из нашего батальона и нескольких господ из других полков. Герр Малец предложил мне стать инструктором отряда истребителей танков (5 мая 1942-го Холль получил два значка «За подбитый танк противника» — за два танка, подбитых 8 августа 1941 г. из противотанкового ружья. — *Прим. ред.*), но я отклонил его предложение, потому что хотел вернуться к товарищам на фронт. Пока шло мое назначение на должность, у меня получилось еще несколько дней отдыха. 20 августа я снова был в Наумбурге и получил направление в 134-ю пехотную дивизию, развернутую в центральном секторе в районе Орла. Несмотря на теплый прием, оказанный командованием и солдатами, мне было невесело. Они не были моими старыми товарищами. У себя я знал каждого рядового в батальоне. А здесь я чувствовал себя как рыба, вынутая из воды. То, что я был назначен офицером пехотного прикрытия к командиру XXXXI танкового корпуса, генералу танковых войск Харпе, ничего не меняло. Под предлогом того, что меня беспокоит рана, я попросил генерала Харпе отправить меня домой до выздоровления. Вот командировочное предписание. Дорога в родную часть заняла 8 дней.

Майор ухмыльнулся:

— Так это все было сплошным притворством?

— Так точно, герр майор!

— Переночевать можете здесь, на командном пункте, а завтра принимайте свою старую седьмую роту. Тогда же прибудет лейтенант Шюллер; он направляется в роты на переднем крае, чтобы посмотреть, все ли там в порядке. Шюллер введет вас в курс дела насчет положения на передовой. А как у вас дела дома? Как жена и родители?

— Прекрасно, герр майор. Они, естественно, все были счастливы, особенно когда я быстро оправился от раны — все 8 недель за мной всячески ухаживали.

— Рад за вас, Холль. Кто знает, сколько вам еще придется ждать отпуска. А вот и лейтенант Шюллер.

Я обернулся и увидел располагающее лицо моего друга Иоахима Шюллера. Он тоже узнал меня с первого взгляда. Его лицо просветлело.

— Надо же, Альберт, хорошо, что ты вернулся. Ты прямо из дома?

Мы стиснули друг другу руки, поглядели друг на друга и обнялись.

— Нет, Йохен, я из-под Орла в центральном секторе. Остальное тебе расскажет командир. Как дела на фронте? Его глаза посерьезнели.

— Сейчас на фронте тихо, но отчаянно нужно пополнение, последние дни были особенно жестоки и к людям, и к лошадям. С начала наступления от Нырково после зимней паузы у нас были значительные потери. Хельмут Ридель убит, Франц Мадер ранен, лошадь Зигфрида Пёнигга наступила на мину, погибли и всадник, и лошадь, и сейчас, перед Сталинградом-Южным, ра-

Лейтенант Ганс-Иоахим
(Йохен) Шюллер,
адъютант II батальона
276-го пехотного полка

нен твой преемник в седьмой роте, обер-лейтенант Менхерт. Ханс Янке, принявший 5-ю роту после смерти нашего друга Риделя, потерял правую руку. У рядовых — не лучше; многие старые бойцы погибли или ранены. Самое время для пополнений.

Я вернулся от встречи с другом к грубой реальности. Всего полгода назад батальон имел хорошо сбалансированную структуру управления — командиром был гауптман доктор Циммерман, адъютант — лейтенант Шюллер, компанифюрер (временный командир роты). — *Прим.*

ред.) 5-й роты — лейтенант Ридель, компанифюрер 6-й роты — лейтенант Мадер, компанифюрер 8-й роты — лейтенант Вайнгертнер, доктор Щепански — батальонный врач и оберцальмейстер Кнопф отвечал за снабжение. Мы узнали друг друга во время формирования дивизии, в сентябре 1939 г., на войсковом полигоне в Кенигсбрюке под Дрезденом. А сейчас, всего три года спустя, нас осталось так мало.

— Пошли, ты можешь лечь вот здесь, а завтра с утра я сразу отведу тебя в твою роту.

— Спасибо, Йохен, я устал как собака. — Я лег на шерстяное одеяло, сделал себе «подушку» из походного ранца и попытался заснуть. В полусне я слушал, как

наш командир разговаривает с полком по полевому телефону. Снаружи в подвал проникал приглушенный звук разрывов световых бомб, и жужжание «швейной машинки» — так мы называли русские самолеты У-2 (По-2) — говорило о том, что я вернулся в родную часть.

24 сентября 1942 г.

В штаб. ЛИАК: 06.10 24 сентября 1942 г.

За ночь 23/24.9. тяжелые бомбовые налеты на городской сектор, а также артиллерийский и ракетный обстрел, но никаких боевых действий...

Меня разбудил толчок в плечо: «Герр лейтенант, герр майор просил вас разбудить».

Я прыжком поднялся на ноги. Быстрое «умывание по-кошачьи», форма приведена в порядок — и я стою перед командиром.

— Лейтенант Холль явился по вашему приказанию!

— Спасибо, Холль. Хорошо ли спалось?

— Так точно, герр майор, можно сказать, хорошо.

— Тогда начнем. Посмотрите на карту. Нам приказали продвинуться до Волги по обоим берегам Царицы — вот она, течет в Волгу и впадает в нее в километре отсюда. Противник устроился в развалинах и ведет упорное сопротивление. Мы наступаем в лоб. Вчера в этой точке наши пионеры (саперы. — *Прим. пер.*) на южном фланге противника пытались выкурить его огнеметами, пока не стемнело, — но их отбросили с большими потерями. Ваш сосед справа — на этом берегу Царицы — третий батальон гауптмана Ритгнера. Левый сосед — батальон разведки 71-й пехотной дивизии. Граница с левым соседом проходит по этой улице, которая идет более-менее прямо в сторону Волги. Вам отдадут остатки 5-й и 6-й рот, а

также 8-ю роту, которой сейчас командует обер-фельдфебель Якобс. Мы позавчера получили пополнение из учебно-запасного батальона, в основном 18–19-летних судетских немцев без фронтовой закалки. Вот-вот должны прибыть офицеры. Мне еще нужно получить точное время начала атаки из штаба полка, но, думаю, это будет 06.00. Вопросы?

— Нет, герр майор. Рад, что здесь гауптман Риттнер, так что не придется беспокоиться о соседе справа.

— Да, Холль, Риттнер на фронте надежен, как скала. За успешное командование батальоном его представили к Рыцарскому кресту.

— Рад за него. На карте Сталинград выглядит лучше. Положение похоже на мой родной город Дуйсбург. Оба лежат на реке, оба вытянуты с севера на юг на 30 километров и с запада на восток на 8–10 километров. Только мой родной город лежит на восточном берегу Рейна, а Сталинград — на западном берегу Волги.

— Ну, вам пора идти. Ваш связной Марек проводит вас на командный пункт. Берегите себя, и удачи.

Я отдал честь и вышел. Обер-ефрейтор Марек уже ждал в прихожей. Я его знал с тех пор, как принял роту. Он был из Верхней Силезии, у него там была небольшая ферма — а сам он был воплощенная надежность. Я был рад снова увидеть его честное лицо.

— Ну, Марек, старая каналья, как дела? — я протянул ему руку.

— Хорошо, герр лейтенант. Мне пока чертовски везет!

— Был в отпуске?

— Нет, герр лейтенант, последний раз — еще во Франции.

АГОНИЯ СТАЛИНГРАДА

На обеих фотографиях: разрушенные дома на Краснознаменной улице,
известной у немцев как «Ления»

— Тогда это черт знает как давно!

— Ну да, но я не женат, и пришлось несколько раз уступить его женатым товарищам.

— Когда закончится эта заваруха, придет и твоя очередь. Я прослежу.

Пока мы болтали, Марек вывел меня наружу по лабиринту коридоров под бывшей женской тюрьмой. Через улицу, параллельно, почти точно совпадая с линией север—юг, шла линия железной дороги. Мы повернули на восток и пошли в сторону будущего наступления к Волге. Временами слышался автоматный и ружейный огонь. Он доносился слева, из центра города. Над слегка светящимся горизонтом виднелись развалины каменных зданий, молчаливые и мрачные. Промежуток между ними — мешанина обугленных бревен — еще дымился. Метров через сто Марек ввел меня в подвал частично выгоревшего блокауза. Я был на командном пункте роты. Он располагался в яме в подвале, перед которым темнели остатки кирпичной стены, с которой можно было наблюдать за противником. Когда я вошел, слабый свет гинденбурговой лампы («парафиновая плошка», или «тепловая свечка». — *Прим. пер.*) позволял лишь слегка различать обстановку. Темная фигура вытянулась и доложила: «Командный пункт 7-й роты. Фельдфебель Гроссман с тремя связными рад снова видеть вас в роте, герр лейтенант».

Я взволнованно взглянул в глаза испытанных друзей. По небритым лицам, черным от сажи, читалось напряжение последних недель. Они были искренне рады видеть меня. Слов не хватало — их заменило рукопожатие.

— Спасибо, Гроссман, вольно. Доброе утро, камера-ден!

— Доброе утро, герр лейтенант!

— Марек, пока остаешься здесь. Гроссман, покажи мне, где здесь что, у нас приказ атаковать через два часа. Марек, приведи командиров 5, 6 и 8-й рот и скажи, что приказом командира батальона сегодня они подчиняются мне. Ты знаешь, где у них КП?

— Так точно, герр лейтенант, здесь все сидят друг у друга на головах.

Когда Марек рысцой убежал, фельдфебель Гроссман показал мне, где мы находимся, на захваченной карте Сталинграда. Оторвав глаза от карты, я взглянул в озорные глаза унтер-офицера; у него висел Железный крест первого класса. Мои глаза широко раскрылись от удивления:

— Ничего себе, Павеллек! Юшко, ты — унтер-офицер и у тебя Железный крест первого класса! Как тебе удалось?

За него ответил фельдфебель Гроссман:

— Три дня назад Павеллек с легким минометом вывел из строя батарею «ратш-бумов» (советская 76-мм пушка. — *Прим. ред.*) и был повышен в унтер-офицеры и представлен к Железному кресту первого класса.

— Фантастика! Юшко, ты должен мне об этом рассказать.

— Ну что тут рассказать, герр лейтенант, мы пробивались через южную часть города, и я увидел целую батарею, четыре пушки, которые выкатывали на позицию прямо на перекрестке. Ну, я установил миномет за стеной, одна нога здесь, другая там — и второй выстрел дал прямое попадание, а дальше уже просто домолачивал. 20—30 минут, как дождик — как вы делали под Каневом на Днепре, когда «Иваны» (немецкое прозвище советских солдат. Подобно тому, как немецких солдат называли

«фрицами» или британских «томми». — *Прим. ред.*) подошли на 40 метров по пшеничному полю, и вы дали им из легкого миномета отпущение грехов. Я ничего не забыл.

Я вернулся в мыслях в Оберлаузиц и во Францию, где я обучал этих грубых, но честных людей из Верхней Силезии владеть оружием пехоты. Иногда они втихомолку ругали меня, но знали, что я так же требователен к себе, как и к ним. В конце концов, я показал им все, что было на самом деле нужно. При этом я просто передал им то, что вложили в меня инструкторы рейхсвера. А они были родом в основном из Силезии и Восточной Пруссии.

— И что потом?

— Ну, весь батальон рванулся вперед; из-за моего благословения сверху «Иван» почти не оказал сопротивления, и мы взяли еще один кусок этого чертова города.

Я обернулся к фельдфебелю Гроссману. Он был в моей седьмой роте с тех пор, как у Канева год назад в августе (1941 г.) первый батальон был полностью обескровлен (в том бою батальон лишился практически всех офицеров. Командир батальона майор фон Хейдбранд унд дер Лаза и его адъютант, лейтенант Вилль, ранены. Командир 1-й роты, обер-лейтенант Ханн, убит шрапнельной пулей в голову; командир 2-й роты, гауптман Бёге, ранен, взят в плен и вскоре погиб; командира 3-й роты, обер-лейтенанта Майнхарта, постигла та же участь. Командир 4-й роты, обер-лейтенант Риттнер, принял командование батальоном до его расформирования. — *Прим. зарубежного издателя*), и остатки распределили между 2-м и 3-м батальонами. Он был родом из Мекленберга и был высок, худощав, белокур и голубоглаз — архетип викинга. Его надежность была неве-

роятной. Выговор у него был северогерманский. В речи отчетливо слышалось острое «с», непохожее на четкое, раскатистое верхнесилезское «р» у остальных.

— Ну-ка, Гроссман, что тут происходило с моего ранения 19 апреля у Нырково? Только, пожалуйста, вкратце.

— Как вы теперь знаете, мы были назначены к атаке на Бастион 8 июля. После вас командиром стал обер-лейтенант Менхерт. Его ранили вскоре после того, как мы дошли до городской черты у Сталинграда-Южного. Это было 10 дней назад. С тех пор ротой командовал я. Лобовая атака на Бастион («Бастион» — господствующая высота 234,6, к северу от Нырково, на которой были советские наблюдательные посты. Необходимым условием наступления немецкой 94-й пехотной дивизии 9 июля 1942 г. был захват «Бастиона». 276-й пехотный полк начал атаку высоты 8 июля и после тяжелого боя захватил и удерживал против мощных советских контратак. Имея контроль над высотой, немцы начали основную атаку по плану. — *Прим. ред.*) у Нырково нам дорого обошлась. Там убили лейтенанта Риделя. Весь Южный фронт кипел, как котел. Для нас все это означало в основном марш — а потом еще марш. Мы с трудом поспевали за моторизованными частями. Через Ворошиловград и Калач, общим направлением на юго-восток в калмыцкую степь, но там дивизию повернули на восток, и мы вломились в Сталинград с юга. Лейтенант Янке, сменивший лейтенанта Риделя в 5-й роте, потерял руку вскоре после того, как мы дошли до черты города; лейтенант Пёнигк наехал на мину под Ворошиловградом и погиб. От старого состава мало кто остался. Теперь, после вашего прибытия, в роте: 1 офицер, 2 фельдфебеля, 2 унтер-офицера и 39 рядовых,

всего 44 человека. Фельдфебель Купал тут недалеко, командует взводом. Тремя отделениями командуют унтер-офицер Роттер, обер-ефрейтор Диттнер и обер-ефрейтор Ковальски. Унтер-офицер Павеллек — командир отделения управления и мастер на все руки.

Самодельная дверь распахнулась наружу. Войдя, солдат вытянулся по стойке «смирно»:

— Обер-фельдфебель Якобс явился по вашему приказанию!

— Спасибо, друг мой, рад тебя видеть. — Мы пожали друг другу руки. Только тот, кто сражается в жесточайшем бою, безоговорочно полагаясь на своих товарищей, как мы полагались на обер-фельдфебеля Якобса и его взвод тяжелых минометов, поймет мимолетное, но чистосердечное чувство, проявленное в этом приветствии. То, что в надвигающейся атаке участвуют и эти опытные бойцы, внушало надежду. Гроссман и Якобс выглядели как братья, и Якобс тоже был родом из Северной Германии.

Теперь я ждал появления старого друга Ули Вайнгертнера, который командовал 5-й ротой с ранения лейтенанта Янке. Вайнгертнер пришел к нам из 14-й роты истребителей танков. Он застал молодым добровольцем конец Первой мировой войны. Он был старшим из наших товарищей. У него было время для каждого, он был абсолютно надежен, и все любили его. Было для него место и в моем сердце, несмотря на всю нашу разницу в возрасте. Прошло всего несколько минут до появления Ули.

— Гутен морген, господа!

Увидев меня, он просиял:

— Господи, Берт, как хорошо снова тебя видеть! Я уже слышал о твоём прибытии и был рад, что в батальон вернулся один из «стариков». — Мы крепко пожали друг другу руки. Можно было почувствовать незримое присутствие павших друзей и тех, кто был еще жив, когда меня ранили в апреле, и кого уже не было с нами. Безмолвная скорбь легла на нас с этим рукопожатием.

— Ну, мой дорогой Ули, о том, что случилось за эти месяцы, ты можешь рассказать и потом. Пока не пришел лейтенант Фукс, доложи мне о том, что делается на фронте.

— Да, мой добрый друг, в последние дни было чертовски трудно, и они нам дорого обошлись. Русских взял враг удар наших танковых и моторизованных частей, которые составили так называемую блокирующую позицию к северу от города, чтобы отбивать атаки с севера, пока следовавшие за ними части не подошли, чтобы взять город. Такая же реакция была, когда мы пробились из калмыцкой степи в южную часть Сталинграда. Лейтенант Янке успел до ранения увидеть город, и я принял у него роту. Самые тяжелые бои шли вокруг элеватора. За другие кирпичные и бетонные здания «Иваны» буквально держались зубами. Это для нас совершенно новый вид боя. Приходится ждать огня из любой дыры или пролома. Эти парни вылезали даже из-под земли. Они освоились в канализации — неожиданно поднимают крышку, стреляют в тебя сзади, несколько солдат уже мертвы или ранены, и потом исчезают как призраки. Никто ничего не видит. Полная неожиданность. Мы устали и стреляем во все, что движется. Высокую цену нам пришлось заплатить своей кровью!

Я посмотрел на часы. Было 04.45. Скоро нам сообщат, когда начать атаку. Тем временем прибыл лейте-

нант Фукс. Он командовал 6-й ротой, или, более точно, ее остатками, поскольку, в пересчете на живую силу, мы были не более чем славными командирами взводов. Мы представились друг другу, и я дал ему объяснить точное положение роты на карте (трофейном плане Сталинграда). Соответственно, я поместил свою роту на левый фланг батальона, с привязкой к правому флангу разведывательного батальона 71-й пехотной дивизии, справа от меня была 6-я рота, примыкающая к III батальону по Царице, 5-я рота стояла в резерве за 6-й ротой, а 8-я рота, с четырьмя тяжелыми минометами и четырьмя тяжелыми пулеметами, располагалась за обеими передовыми ротами.

— Господа, нам приказали взять многоэтажное здание, на карте оно находится вот здесь. Видите, оно U-образное и обе ножки направлены на нас. Вы лучше меня знаете, как сильно здесь сопротивление противника, поскольку вчера ваша атака здесь захлебнулась. Мы скоро узнаем от связного, когда начнется атака и получим ли мы поддержку артиллерии или гаубиц 13-й роты. Поскольку вам недалеко идти в свои роты, я предлагаю подождать связного.

Через дыру в стене мы пытались выглядывать на поле боя, лежащее перед нами. Начинало светать. Над целым районом саваном висел дым догорающих бревен из развалин. Тут и там ветер раздувал пламя. По всей округе странно торчали в небо печные трубы сожженных деревянных домов. Перед нами — метрах в 300 — можно было различить смутный силуэт высотного здания. Было еще недостаточно света, чтобы увидеть его в подробностях. Между ним и нами были лишь руины кирпичных стен, голые трубы и дымящиеся кучи бревен. Нуж-

но было понять, как пересечь этот кусок земли и войти в здание. Центральная часть была сильно разрушена прямыми попаданиями бомб, но пулеметный огонь из обоих боковых крыльев был так плотен, что наши солдаты не могли сделать ни шагу.

— Якобс, ты должен подавить вражеский огонь из боковых крыльев точным огнем всех своих тяжелых пулеметов, особенно там, где «Иван» занимает верхние этажи и может сверху выцеливать наших. Ты должен накрыть наземные цели из своих минометов. Если возможно, мы хотим оставаться в пределах голосового и зрительного контакта. Фукс, вы берете цели на южном фланге, то есть справа отсюда; моя рота возьмет северное, левое, крыло. Там у нас будет очень узкий фронт наступления, и мы сможем сохранять визуальную, а иногда и слуховую связь. Есть вопросы? Нет? Тогда все ясно, кроме времени начала атаки.

В штаб 6-й армии: 12.30 24 сентября 1942 г.

После расчистки сектора у устья Царицы мы намерены перевести 94-ю ПД в район к северу от Городище, одновременно развернув ее для очистки территории вокруг Орловки.

В постепенно крепнущем свете дня появился мой старый друг Марек.

— Герр лейтенант, приказ командира батальона начать атаку точно в 06.00. Батальон вначале не получит никакой поддержки тяжелым оружием, оно поддерживает другие части.

— Спасибо, Марек, доложи герру майору, что мы атакуем, как приказано. Проследи, чтобы герр майор

знал, что нам нужна артиллерийская поддержка — чем раньше, тем лучше.

— Так точно, герр лейтенант! — Марек козырнул, развернулся и убежал.

— Итак, господа, вы все слышали, что артиллерийской поддержки у нас не будет. Надеюсь, нам повезет, и желаю, чтобы повезло всем. Сверим часы: на моих 05.25. Герр Фукс, обе наших роты наступают вместе в 06.00. Двигаемся как можно тише, чтобы выдвинуться на участок перед домом, не встревожить противника. А дальше действуем по ситуации. Ули, со своей ротой остаешься здесь, держи связь со мной и жди приказа.

Пожав руки товарищам, я остался один с группой управления и фельдфебелем Гроссманом.

— Гроссман, оставайся на левой стороне роты, вдоль улицы. Посмотри на карте — она идет мимо левого фланга цели атаки. И скажи своим людям, чтобы они были осторожны. С нашей теперешней численностью каждая потеря стоит вдвое больше.

— Так точно, герр лейтенант, три дня назад мы, на счастье, получили 20 человек пополнения из запасного батальона. Это 18—19-летние судетские немцы. Никакого боевого опыта, обучены второпях, боевую гранату не метали ни разу. Я их уже распределил по остаткам роты и вверил их в старые опытные руки.

— То есть каждый второй не имеет боевого опыта. Как это ободряет!

— Скоро он у них будет, герр лейтенант. В целом они неплохо смотрятся.

— Верю, Гроссман, но, не имея боевого опыта, быть брошенным в такую сложную ситуацию — это для них, пожалуй, слишком. Нам с ними нужно быть особо осто-

рожными, чтобы они не попали в мясорубку. Да, все это относится к тому, когда им выступать. Но, как я и говорил, ты остаешься на левой стороне улицы, так что я знаю, где вы будете и где вас найти. Берегите себя.

— Спасибо, герр лейтенант!

Было еще 15 минут до того, как мои товарищи начнут выдвижение. Унтер-офицер Павеллек, обер-ефрейтор Неметц и обер-ефрейтор Вильман стояли рядом. Я сам обучал этих солдат после Французской кампании, когда дивизия полгода стояла в Оберлаузице и вокруг Циттау. Не было легкого пехотного оружия, которым бы они с блеском ни владели, и они были опытными связными. Последний год на фронте спаял нас, и каждый знал, что может положиться на остальных.

— Юшко!

— Герр лейтенант?

— У нас еще осталось наше особое оружие?

— Точно так, герр лейтенант, все в тылу в обозе, нужно подождать, пока доставят.

— Хорошо, подумай об этом, когда вечером с полевой кухни придет гауптфельдфебель Михель. Кстати, как он?

— Хорошо, герр лейтенант, надежен, как всегда. Когда никто другой не может найти свою роту, Михель всегда тут как тут.

Я был бы более счастлив, имей я свой арсенал прямо сейчас. «Особое» включало связки зарядов от гранат-колотушек, русский автомат, русское противотанковое ружье и соответствующие боеприпасы. После первых действий в России мы поняли, что русские пистолеты-пулеметы и противотанковые ружья более грубы, чем наши. Наши были хороши, но отказывали, попав в грязь. Вско-

ре я стал возить с собой патроны к трофейному оружию — на всякий случай, — и несколько раз они пригодились.

Еще две минуты, и начинаем. Я взглянул на небо. На нем не было ни облачка, не считая дыма от пожаров вокруг нас. Горизонт на востоке посветлел. С каждой минутой очертания зданий перед нами — точнее, их развалин — становились все четче. Цель нашей атаки также четче выделялась на фоне других. Временами справа и слева доносился автоматный и ружейный огонь. Раздалось несколько выстрелов из вражеских пушек с восточного берега Волги, их снаряды разорвались в стороне от нас. День обещал быть жарким. Мои часы показывали, что наши люди уже вышли. Противник еще ничего не заметил, в нашем секторе не было ни выстрела. Хоть бы мы смогли подобраться к зданию незамеченными! Все мое внимание было отдано фронту атаки. Вдруг тишину в нашем секторе разорвал огонь русского пулемета. Был слышен ружейный огонь, за которым вскоре раздалась стрельба наших пулеметов. Теперь здесь развивался оживленный бой. Тем временем 8-я рота открыла огонь из тяжелых пулеметов. Тут и там жужжали рикошетные пули. Как-то неожиданно рассвело. Через бинокль я мог со всей четкостью различить назначенную цель атаки. Это было шестиэтажное здание красного кирпича, общей шириной метров 80. С каждой внешней стороны отходили боковые крылья, каждое в длину около 20 метров. Все строение выглядело перевернутой квадратной буквой «U». Центральной части сильно досталось от Люфтваффе и артиллерии. Через проломы на месте окон были видны груды щебня. В этой части здания противника не было видно. Однако из обоих боковых крыльев шел

оборонительный огонь. «Иван» был замечен на верхних этажах. Оттуда он контролировал всю территорию перед домом. За 150 метров до цели наша атака остановилась. Отделения укрылись и вели ответный огонь. На командном пункте появились связные от фельдфебеля Гроссмана и лейтенанта Фукса и сообщили то, что я и так знал. Я передал им указания залечь и ждать других указаний.

— Вильман!

— Герр лейтенант?

— Сообщи в батальон: «Атака в 06.00. Прошли 150 метров и залегли под огнем. Противник господствует над полем боя пулеметным огнем с возвышенной позиции. Не можем двигаться вперед без огневой поддержки из тяжелого оружия. Срочно требуется поддержка!» Написал?

— Так точно, герр лейтенант!

Я подписал донесение, и Вильман убежал. Солнце уже поднялось, и становилось теплее. Я послал обер-ефрейтора Неметца за лейтенантом Вайнгертнером и оберфельдфебелем Якобсом. Вскоре оба были передо мной. Часы показывали уже 09.00. Когда ты бодр, в состоянии духа, позволяющем молниеносно реагировать и принимать решения, как-то забываешь о времени. Я обсудил ситуацию с обоими товарищами. Слава богу, потерь не было.

— Ули, тебе все понятно?

— Так точно, Берг.

— Якобс, твои минометы не достанут до «Иванов» в крыльях дома, но их можно попытаться выкурить тяжелыми пулеметами.

— Герр лейтенант, мы точно определили, где находятся русские пулеметные гнезда, но эти парни очень

проворные. У них есть запасные позиции, они нерегулярно стреляют оттуда и отсюда, потом прекращают огонь. Моим ребятам приходится быть начеку.

— Да, я это видел и доложил в батальон, более того — запросил немедленную огневую поддержку. С нашей сравнительно малой численностью мы должны избегать ненужных потерь. Я считаю так: мы не двигаемся вперед, пока не вычистим эти гнезда сопротивления. У соседа слева тоже не видно активности. Их сектор также прочесывается пулеметным и ружейным огнем из левого крыла здания. По звуку боя, они где-то за нами слева. Якобс, возвращайся к роте и не давай им высунуться. Ули, оставайся с унтер-офицером Павеллеком и подмени меня. Неметц, ты идешь со мной. Хочу нанести визит левому соседу и понять, где мы там находимся.

— Ладно, Берт. Возвращайся целым.

Я двинулся в тыл, перебегая от укрытия к укрытию. Я старался, чтобы меня не обнаружил противник или заметил лишь мимоходом. Через 100 метров — быстрый рывок через улицу, пересек линию разграничения с левым соседом. Мне пришлось несколько раз спрашивать, где находится командный пункт, пока я его не нашел. Солнце тем временем уже пекло вовсю, и я истекал потом. Я доложил командиру 171-го разведбатальона и представился как его правый сосед:

— Лейтенант Холль, компанифюрер 7-й роты 276-го пехотного полка.

— Фон Хольти.

— Герр подполковник, я бы хотел уточнить, как далеко вам удалось продвинуться. Нам нужно взять многоэтажный дом, чьи верхние этажи видно отсюда. Наша атака завязла в 150 метрах от здания, попав под пулемет-

ный и ружейный огонь с верхних этажей и обоих крыльев. Мы не можем двигаться ни вперед, ни назад, не неся тяжелых потерь. Я запросил огневую поддержку у своего батальона, но до сих пор оттуда нет вестей. Ваши люди лежат за нами. Я бы хотел знать, почему ваши части отстают.

Подтянутый, приятного вида подполковник — чей адъютант также выглядел с иголки — ответил довольно покровительственно:

— Да, мой добрый друг, мы продвинулись не столь далеко, как надеялись. Мы также ждем огневой поддержки. Надеюсь, после обеда у нас будет два «штурмгешютце» (САУ, самоходка. — *Прим. пер.*). Пока они не придут, я вряд ли смогу продвинуться, поскольку мои люди на правом фланге не поднимают головы от земли из-за чертова пулеметного огня с вашей полосы атаки.

— Когда герр оберстлейтенант ждет пушки?

— Через час-другой.

— То есть между 14.00 и 15.00.

— Точно, мой добрый друг, вы можете прийти сюда еще раз.

— Если положение к тому времени не изменится, я приду. — Я отдал честь и пошел обратно со своим связным. Интуитивно мы держались поближе к остаткам стен и ныряли в укрытие, как только звук пушечного выстрела и приближающийся звук снаряда говорили о том, что разрыв сейчас будет где-то рядом. Когда я смог оглядеть себя, я был покрыт грязью и мокр от пота — я понял напыщенные манеры господина из другого рода войск. Они не были настроены на оскорбление, а мы не обижались — мы были пехота, «кузнечики», как некоторые нас называли. Пехота в этой бесконечной стране проходи-

ла пешком тысячи километров, а им нужно было прочно вцепиться в землю. Они не могли при случае быстро собраться и отправиться в следующую атаку. В этих частях на конной тяге все делалось с неторопливостью пешехода. Как бы то ни было, их отношение меня не задевало.

Когда я вернулся на командный пункт, я рассказал Ули о ситуации с соседом слева. С батальонного КП вернулся обер-ефрейтор Вильман. Майор Циммерман старался добыть нам поддержку тяжелым оружием. 3-й батальон гауптмана Риттнера, действовавший на другом берегу Царицы, тоже пострадал от пулеметного огня из южного крыла здания и не мог продвигаться дальше. Унтер-офицер Павеллек передал мне ломтик хлеба и чашку холодного кофе. Я проглотил все в один присест. Я не мог не думать о самоходных пушках. Лишь с их помощью мы можем атаковать и взять здание. А даст ли их в наше распоряжение оберстлейтенант фон Хольти? Что бы ни случилось, я собирался через час еще раз навестить его. Появился обер-фельдфебель Якобс, желающий узнать, что с нашим левым соседом. Лейтенант Фукс со своими солдатами застрял перед зданием, там же был фельдфебель Гроссман. Лишь удар самоходными пушками напролом или приход темноты мог вывести их из затруднительного положения. Солнце безжалостно светило на город. Воздух дрожал, повсюду стоял сладкий запах разложения. Казалось, в нашем секторе все было мертво. С тыла я мог невооруженным глазом различить нескольких товарищей. Они нашли тень, чтобы укрыться, и почти не двигались. Вокруг тяжело разливалось напряжение.

На моем КП появился адъютант командира батальона лейтенант Шюллер, с ним был связной, обер-ефрейтор Марек.

— Ну, Берт, как дела на фронте? Командир приказал мне лично оценить ситуацию.

— Что ж, Йохен, со времени моего последнего рапорта в батальон ничего не изменилось. Наши солдаты влезли в мышеловку. К счастью, сейчас у меня в потерях лишь один легкораненый. Без поддержки артиллерии мы до темноты не продвинемся ни на шаг. А сможем ли мы действовать в темноте — это еще вопрос.

— Могу сказать от имени командира, что, по его мнению, сегодня мы не можем рассчитывать на огневую поддержку чем бы то ни было. Дивизия собрала все имеющиеся стволы на правом фланге, должна участвовать даже наша 13-я рота. Они там намерены пробиться до Волги — чего бы это ни стоило — и уничтожить противника. Тот бой слышен и отсюда.

Я, конечно, заметил, что самые громкие звуки доносились справа от нас. Получалось, что оба противника собрали все пушки в одном и том же месте. Также большое оживление царило слева от нас, у центра города. Звуки оттуда шли с большего расстояния, чем наш «концерт», звучащий буквально по соседству. Здесь играли пара паршивых пулеметов врага и автоматы, а также несколько винтовок. Их стрельба не была особенно громкой, так что, когда они попадали, это наносило больший урон. В такой критической ситуации у солдата на фронте для различения противника, лежащего прямо напротив, есть только глаза и уши. Лейтенант Шюллер, наблюдая в бинокль поле боя, обернулся ко мне с тревогой в голосе:

— Берт, мне не нравится состояние командира, он совсем желтый и выглядит и действует апатично. Боюсь, у него желтуха.

— Черт, только этого нам и не хватало: потерять папу Циммермана! Надеюсь, все не так плохо. Если получится, вечером зайду на командный пункт. Доложи герру майору, что я ходил проведать соседа слева, Ауфклерунг-абтайлунг-171. Там ждут два «штурмгешютце». Увидим, насколько это нам поможет. Пока, Йохен, береги себя.

По моему сигналу обер-ефрейтор Неметц встрепенулся и пошел за мной. Дорога к левому соседу была уже знакома. Перебегая широкую асфальтированную улицу, служившую линией разграничения, я услышал низкое рычание двух моторов и лязг гусениц о твердый грунт. Радостные, мы побежали ближе к источнику звука, звучавшего в наших ушах, как музыка. Это наши товарищи! Я увидел их на соседней улице. Старательно прикрывая друг друга, в нашу сторону ехали два штурмовых орудия. Я помахал им руками. Первая машина — выглядевшая настоящим исполином — остановилась. Из командирского люка высунулась голова. Я увидел копну белокурых волос и два ярких глаза, вопросительно смотревших на меня.

— Лейтенант Холль, компанифюрер семь-двести семьдесят шесть.

— Лейтенант Хемпель.

— Герр Хемпель, вы должны нам помочь! Вы не сойдете вниз на минутку?

В два рывка белокурый лейтенант оказался передо мной. Он был на полголовы выше меня.

— Где пожар?

— Мы тут маемся уже добрых восемь часов. Не можем двинуться вперед. С этого высотного дома, верх ко-

тогого виден через вон тот пролом, русские пулеметы господствуют над всей округой. Вас вызвали, чтобы облегчить участь разведбата-171.

— Да, правильно, мне нужно доложиться оберстлейтенанту фон Хольти — я ищу его командный пункт.

— Герр Хемпель, вам это не понадобится, если обе ваших машины пойдут за мной и помогут взять этот чертов дом и уничтожить противника. Когда этот кошмар закончится, вы сможете доложить о себе в батальоне, но думаю, тогда вы им на сегодня уже не понадобится.

Мои слова, кажется, убедили лейтенанта.

— Ладно, герр Холль, я вам помогу. Что вы предлагаете?

— Если вы пройдете за мной до следующего перекрестка, нам надо будет повернуть налево по этой асфальтированной улице. Вы видите тот дом впереди в 400 метрах по правой стороне улицы? Я с тремя солдатами пойду за вашим орудием, четверо остальных пойдут за вторым. Подавите врага в левом крыле и стреляйте во все, что увидите; второе орудие будет делать то же самое с правым крылом. Все нужно делать так быстро, чтобы противник не смог понять, что в него попало. В случае любой неожиданности мы прикроем вас с тыла.

— Ладно, договорились. Когда вы двинетесь, я первым делом дохожу до следующего перекрестка. А пока я дам указания второму орудию.

— Немец, ты слышал наш план. Быстро беги на командный пункт. Павеллек и Вильман пойдут с тобой за первым орудием. Я тоже там пойду. Обер-фельдфебель Якобс с тремя солдатами из своей роты пойдет за вторым орудием. Скажи Якобсу, что мы штурмуем левое крыло, а он берет на себя правое. Ты все понял?

Сцена разрушений: поле боя, на котором 24 сентября 1942 г.
дрались Холль и его люди

Уже на бегу он прокричал:

— Так точно, герр лейтенант!

— Герр Хемпель, моему связному понадобится 15–20 минут, чтобы добраться до моих солдат, а им — пробраться незамеченными к нам. Я собираюсь подойти к перекрестку как можно ближе, но чтобы меня не видели те, кто засел в доме. Медленно следуйте за мной и по моему сигналу вставайте. Когда я несколько раз сожму руку, это сигнал «вперед» — и без остановки двигайтесь к цели.

— Все ясно, герр Холль. Удачи!

Штаб LI армейского корпуса: 16.45 24 сентября 1942 г.

В 07.00 LI АК начал атаку на вражеский плацдарм по обоим берегам Царицы...

В частности:

В тяжелых боях за каждый дом 267-й ПП подошел к Царицы на 300 метров. Оборона по району устья Царицы, району железной дороги на юго-запад от него и по северной части острова на Волге (остров Голодный. — Прим. пер.).

71-я ПД атаковала после тщательной подготовки VIII авиакорпусом. В городском секторе к северу от устья Царицы — состоящем в основном из кирпичных зданий и многочисленных многоэтажных сооружений — сопротивление противника заметно сильнее, чем в других районах города. За каждое здание и фабричный корпус приходится вести самые упорные бои.

Я осторожно пробирался вперед, используя любое укрытие по дороге. «Иван» не должен ничего заметить. Оба штурмовых орудия медленно двигались за мной. Когда я добрался до перекрестка, то дал оговоренный сигнал остановки. В бинокль я видел, как Павеллек и Вильман ползут вдоль улицы. Теперь им будет очень просто присоединиться ко мне, когда я пройду мимо них, двигаясь за первым «штурмгешютце». Я также видел, что обер-фельдфебель Якобс с тремя солдатами уже на месте и с ними мой связной. Они дошли до Павеллека и ждали нашего появления. Я еще раз осмотрел широкую и прямую улицу. Вдоль правой стороны стояли деревянные столбы, с которых свисали электрические провода, некоторые были повалены и лежали на земле. К ним все еще были присоединены провода. Приходилось следить за тем, чтобы не увязнуть в них. Я стиснул правый кулак и несколько раз ткнул им вперед. Оба орудия медленно покатали вперед. Командиры были внутри, опустив крышки люков. Когда орудие лейтенанта Хемпеля выка-

тилось на середину перекрестка, оно развернулось на юг, и я прыгнул за него. Я бежал трусцой за орудием, так что у меня было укрытие от русских и я мог отдать приказ своим людям, когда мы с ними поравняемся. Громовой раскат бросил меня на колени. Оружие лейтенанта Хемпеля обнаружило цель и сделало первый выстрел. Второй выстрел последовал сразу же после первого. Второе оружие тоже начало обстрел цели, правого крыла здания. После неожиданного первого я уже спокойнее воспринимал оглушительные выстрелы обоих орудий. Никогда раньше я не стоял так близко к ним. Но они оказывали моим товарищам столь нужную помощь. Мы миновали Якобса, Павеллека и их бойцов. Согласно моему приказу, отданному через Неметца, они присоединились к нам. Теперь за каждым оружием шло четыре пехотинца. Я прокричал Неметцу:

— Неметц, беги к лейтенанту Вайнгертнеру! Когда мы дойдем до здания, он должен подняться в атаку во всю ширину сектора. Оставайся с ним, пока тоже не подойдете к зданию.

— Так точно, герр лейтенант, вас понял!

Все происходило просто молниеносно, мы бегом двигались за ведущими огонь орудиями. Из здания больше не велся огонь, из-за которого весь день нам было так тяжело. Мы подошли к дому, уворачиваясь от проводов, которые натягивали движущиеся машины. До входа на левой стороне здания оставалось еще 30 метров. Правый вход лежал в ста метрах дальше.

— Якобс, нам нужен скоординированный удар. Я возьму левый вход, ты берешь правый. Понятно?

— Ясно!

«Штурмгешютце» встали, их оружия были готовы стрелять по обоим крыльям здания.

— Гранаты готовы? Все готовы? Пошли!

Мы как можно быстрее побежали вперед. Несясь вперед, я видел, что все были на ногах и бежали к дому. Мы добежали до входа. Наверху ничего не было слышно. Деревянная лестница вела вниз в подвал. Шум доносился оттуда. «Павеллек, прикрой меня сверху с Вильманом. Пойду посмотрю, что там».

Я держал готовую к броску гранату и в два прыжка спустился до самого низа. Через открытую дверь проходил слабый дневной свет. Я подождал, пока глаза привыкнут к слабому освещению в ближней ко входу комнате. Из полуоткрытой двери шел слабый свет. Я пнул дверь, готовый бросить гранату и схватиться за автомат. Комната была набита людьми. Женщины с детьми на руках, старики, старухи, мальчики и девочки — все со страхом смерти смотрели на меня; все плакали и кричали в замешательстве.

Как можно громче я заорал в комнату «Тихо!». Суматоха моментально прекратилась, все глаза обратились ко мне.

— Кто-нибудь говорит по-немецки?

Короткое перешептывание, и через толпу ко мне протиснулся старик и сказал:

— Я немного понимаю по-немецки.

— Тогда скажите всем своим людям, что им нечего бояться. Мы не воюем с женщинами, детьми и стариками.

Он перевел сказанное на русский.

Я продолжил:

— Все солдаты, прячущиеся здесь, должны выйти ко мне по одному и сложить оружие. С вами ничего не

случится! Остальные будут оставаться в подвале и ждать дальнейших указаний.

Когда старик перевел, из дальнего угла вышли семь солдат. Их вывели наверх и разоружили. Тем временем в подвал спустился и Павеллек. Будучи родом из Силезии, он говорил по-польски и мог сказать этим людям, чего я от них хотел. Я чувствовал, какое облегчение испытали эти жалкие создания, когда они поняли, что германские солдаты ведут себя не так, как говорит их пропаганда. Павеллек сказал старику, что он отвечает за поддержание порядка. Когда мы вернулись на первый этаж, я видел, что всего мы захватили семнадцать русских. Около двадцати отступили к соседнему зданию. Фельдфебель Гроссман и лейтенант Фукс мгновенно заняли сторону здания, обращенную на восток. К нашему облегчению, у нас было всего трое раненых и ни одного убитого.

Было почти 17.00. Оба «штурмгешютце» ждали в засаде и несли дозор в направлении неприятеля. Тем временем мимо нас двинулся сосед слева. В нашем секторе не было слышно почти никакого шума боя. Я пошел к нашим чудесным спасителям:

— Герр Хемпель, от имени моих людей я хотел бы выразить вам самую сердечную благодарность за вашу превосходную поддержку. Сами видите, какое чудо совершило ваше вмешательство.

— Герр Холль, мы лишь исполнили свой долг, как вы и ваши люди.

— Ну, вы прекрасно справились. Но как насчет завтрашнего дня? Двигаться вперед с вашей помощью нам будет легче.

— Вы абсолютно правы. Я доложу о вас командиру и попробую узнать, получится ли завтра вам помочь.

Если командир будет согласен, я не смогу быть у вас раньше девяти ноль-ноль.

— Ничего — главное, что вы вообще придете. Мне доложить вашему командиру, как вы с вашими солдатами помогли нам?

— Не нужно. Командир знает, что мы выполняли свой долг.

— Ну, тогда, надеюсь, до завтра. Всего хорошего!

— Спасибо, вам также!

Завелись моторы, и оба орудия медленно поползли в тыл. Надеюсь, завтра мы их увидим.

Я вернулся в дом и обратился к Вайнгертнеру, который вместе с Павеллеком допрашивал русских пленных:

— Ну, Ули, что говорят наши пленные?

— Не много, они меня с трудом понимают. Они обороняют здание с примерно 40 солдатами. Ими командовал лейтенант. Когда орудия стали стрелять, лейтенант и половина личного состава отступили.

— Тогда ночью надо быть особенно внимательными. Неметц, ты уже знаешь нашего левого соседа. Возьми троих — кого назначит фельдфебель Гроссман, — и отведите пленных туда. Мне не с кем их оставить. Скажи оберстлейтенанту, что нам нужен каждый солдат.

Ули был доволен:

— Фантастика, Берг, все прошло как по маслу! Не думал, что сегодня мы сдвинемся хоть на метр. Когда ты появился с двумя самоходками — все стало просто, как на учениях.

— Да, Ули, но с одной разницей: у нас не было возможности начать пораньше или отрететировать. Надеюсь, лейтенант Хемпель завтра придет. Сразу за домом — перекресток, и не знаю, заметил ли ты: чем ближе

к Волге, тем крупнее здания; деревянных домов больше не видно. Это означает, что придется быть еще осторожнее, враг может быть за каждым углом, в каждом подвале или на верхнем этаже. Проверь, чтобы на переднем крае все было в порядке и чтобы не было никаких неожиданностей. Унтер-офицер Павеллек в твоём распоряжении. Я иду с Вильманом на КП батальона, доложить майору.

— Понял, удачи.

Штаб LI армейского корпуса: 19.45 24 сентября 1942 г.

В Сталинграде после тяжёлых боев за каждый дом войска, наступающие с целью очистки сектора у устья реки Царицы, смогли закрепиться на захваченных позициях. Занята половина намеченной территории. Район к югу от Царицы в основном наш. Командование корпуса надеется, что, несмотря на крайнюю истощённость рот, к завтрашнему дню очистка территории будет закончена.

Возвращаясь с Вильманом на командный пункт батальона, я посмотрел на часы. Было семнадцать ноль-ноль. Я шёл по тому месту, где днём шёл бой (внимательно смотря по сторонам — никогда не знаешь, откуда появится «Иван»), где часами лежали мои товарищи. Было пусто — только трупы, которые уже начали разлагаться, одиноко торчащие печи и посуда, лежащая рядом с ними. Повсюду громоздилось дымящееся дерево. Такой уровень разрушения был возможен только в результате бомбежек. Артиллерия такого не делает. Было ещё светло, когда я дошёл до КП, он был все там же, в женской тюрьме ГПУ. Я нашёл командира, майора Циммермана, там же, где я его видел днём раньше. Я почувствовал, что никуда не уходил из части и что даже не вернулся после